

Хоть убей, слѣда не видно,
Сбились мы, что дѣлать намъ?
В полѣ бѣсъ насъ водить видно
Да кружить по сторонамъ.

. . . . .
Сколько ихъ, куда ихъ гонять,
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

А. Пушкинъ

Тутъ на горѣ паслось большое стадо свиней, и они просили Его чтобы позволилъ имъ войти въ нихъ. Онъ позволилъ имъ. Бѣсы, вышедши изъ человѣка, вошли въ свиней; и бросилось стадо съ крутизны въ озеро, и потонуло. Пастухи, увидя случившееся, побѣжали и разказали въ городъ и по деревнямъ. И вышли жители смотрѣть случившееся, и пришедши къ Иисусу, нашли человѣка изъ котораго вышли бѣсы сидящаго у ногъ Иисусовыхъ, одѣтаго и въ здоровомъ умѣ: и ужаснулись. Видѣвшіе же разказали имъ какъ исцѣлился бѣсновавшійся.

Евангеліе отъ Луки. Глава VIII, 32-37.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вмѣсто введенія: нѣсколько подробностей изъ біографіи
многочтимого Степана Трофимовича Верховенскаго.

I.

Приступая къ описанію недавнихъ и столь странныхъ событій происшедшихъ въ нашемъ, доселѣ ничѣмъ не отличавшемся городѣ, я принужденъ, по неумѣнью моему, начать нѣсколько издалека, а имѣнно нѣкоторыми біографическими подробностями о талантливомъ и многочтимомъ Степанѣ Трофимовичѣ Верховенскомъ. Пусть эти подробности послужатъ лишь введеніемъ къ предлагаемой хроникѣ, а самая исторія которую я намѣренъ описывать, еще впереди.

Скажу прямо: Степанъ Трофимовичъ постоянно игралъ между нами нѣкоторую особую и такъ-сказать гражданскую роль и любилъ эту роль до страсти, — такъ даже что, мнѣ кажется, безъ нея и прожить не могъ. Не то чтобъ ужъ я его приравнивалъ къ актеру на театрѣ: сохрани Боже, тѣмъ болѣе что самъ его уважаю. Тутъ все могло быть дѣломъ привычки, или, лучше сказать, непрерывной и благородной склонности, съ дѣтскихъ лѣтъ, къ пріятной мечтѣ о красивой гражданской своей постановкѣ. Онъ, напримѣръ, чрезвычайно любилъ свое положеніе «гони-маго» и такъ-сказать «ссыльнаго». Въ этихъ обоихъ словечкахъ есть своего рода классическій блескъ, соблазнившій его разъ навсегда, и возвышая его потомъ постепенно въ собственномъ мнѣніи, въ продолженіе столь многихъ лѣтъ, довелъ его наконецъ до нѣкотораго весьма высокаго и пріятнаго для самолюбія пьедестала. Въ одномъ сатирическомъ англійскомъ романѣ прошлаго столѣтія, нѣкто Гуливеръ, возвратясь изъ страны Лилипутовъ, гдѣ люди были всего въ какіе-нибудь два вершка росту, до того пріучился считать себя между ними великаномъ, что и ходя по улицамъ Лондона, невольно кричалъ прохожимъ и экипажамъ чтобъ они предъ нимъ сворачивали и остерегались чтобъ онъ какъ-нибудь ихъ не раздавилъ, воображая что онъ все еще великанъ, а они маленькіе. За это смѣялись надъ нимъ и бранили его, а грубые кучера даже стегали великана кнутиями: но справедливо ли? Чего не можетъ сдѣлать привычка? Привычка привела почти къ тому же и Степана Трофимови-

ча, но еще въ болѣе невинномъ и безобидномъ видѣ, если можно такъ выразиться, потому что прекраснѣйшій былъ человѣкъ.

Я даже такъ думаю что подъ конецъ его всѣ и вездѣ позабыли; но уже никакъ вѣдь нельзя сказать что и прежде совсѣмъ не знали. Безспорно что и онъ нѣкоторое время принадлежалъ къ знаменитой плеядѣ иныхъ прославленныхъ дѣятелей нашего прошедшаго поколѣнія и, одно время, — впрочемъ всего только одну самую маленькую минуточку, — его имя многими тогдашними торопившимися людьми произносилось чуть не на ряду съ именами Чаадаева, Бѣлинскаго, Грановскаго и только что начинавшаго тогда за границей Герцена. Нодѣятельность Степана Трофимовича окончилась почти въ ту же минуту какъ и началась, — такъ сказать отъ «вихря сошедшихся обстоятельствъ». И что же? Не только «вихря», но даже и «обстоятельствъ» совсѣмъ потомъ не оказалось, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ. Я только теперь, на дняхъ, узналъ, къ величайшему моему удивленію, но за то уже въ совершенной достовѣрности, что Степанъ Трофимовичъ проживалъ между нами, въ нашей губерніи, не только не въ ссылкѣ, какъ принято было у насъ думать, но даже и подъ присмотромъ никогда не находился. Какова же послѣ этого сила собственнаго воображенія! Онъ искренно самъ вѣрилъ всю свою жизнь что въ нѣкоторыхъ сферахъ его постоянно опасаются, что шаги его непрерывно извѣстны и сочтены, и что каждый изъ трехъ смѣнившихся у насъ въ послѣднія двадцать лѣтъ губернаторовъ, вѣзжая править губерніей, уже привозилъ съ собою нѣкоторую особую и хлопотливую о немъ мысль, внушенную ему свыше и прежде всего, при сдачѣ губерніи. Увѣрь кто-нибудь тогда честнѣйшаго Степана Трофимовича неопровержимыми доказательствами что ему вовсе нечего опасаться, и онъ бы непременно обидѣлся. А между тѣмъ это былъ вѣдь человѣкъ умнѣйшій и даровитѣйшій, человѣкъ такъ-сказать даже науки, хотя впрочемъ въ наукѣ.... ну, однимъ словомъ, въ наукѣ онъ сдѣлалъ не такъ много и кажется совсѣмъ ничего. Но вѣдь съ людьми науки у насъ на Руси это сплошь да рядомъ случается.

Онъ воротился изъ-за границы и блеснулъ въ видѣ лектора на кафедрѣ университета уже въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ. Успѣлъ же прочесть всего только нѣсколько лекцій, и кажется объ Аравитянахъ; успѣлъ тоже защитить блестящую диссертацию о возникавшемъ было гражданскомъ и ганзеатическомъ значеніи нѣмецкаго городка Ганау, въ эпоху между 1413 и 1428 годами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о тѣхъ особенныхъ и неясныхъ причинахъ почему значеніе это вовсе не состоялось. Диссертация эта ловко и больно уколола тогдашнихъ славянофиловъ и разомъ доставила ему между ними многочисленныхъ и разъяренныхъ

враговъ. Потомъ, — впрочемъ уже послѣ потери кафедры, — онъ успѣлъ напечатать (такъ-сказать въ видѣ отместки и чтобъ указать кого они потеряли) въ ежемѣсячномъ и прогрессивномъ журналѣ, переводившемъ изъ Диккенса и проповѣдывавшемъ Жоржъ-Занда, начало одного глубокаго изслѣдованія, — кажется о причинахъ необычайнаго нравственнаго благородства какихъ-то рыцарей въ какую-то эпоху, или что-то въ этомъ родѣ. По крайней мѣрѣ проводилась какая-то высшая и необыкновенно благородная мысль. Говорили потомъ что продолженіе изслѣдованія было поспѣшно запрещено, и что даже прогрессивный журналъ пострадалъ за напечатанную первую половину. Очень могло это быть, потому что чего тогда не было? Но въ данномъ случаѣ вѣроятнѣе что ничего не было и что авторъ самъ полѣнился докончить изслѣдованіе. Прекратилъ же онъ свои лекціи объ Аравитянахъ потому что перехвачено было какъ-то и кѣмъ-то (очевидно изъ ретроградныхъ враговъ его) письмо къ кому-то съ изложеніемъ какихъ-то «обстоятельствъ»; вслѣдствіе чего кто-то потребовалъ отъ него какихъ-то объясненій. Не знаю вѣрно ли, но утверждали еще что въ Петербургѣ было отыскано въ то же самое время какое-то громадное, противоестественное и противогосударственное общество, человѣкъ въ тринадцать, и чуть не потрясшее зданіе. Говорили что будто бы они собирались переводить самого Фурье. Какъ нарочно въ то же самое время въ Москвѣ схвачена была и поэма Степана Трофимовича, написанная имъ еще лѣтъ шесть до сего, въ Берлинѣ, въ самой первой его молодости, и ходившая по рукамъ, въ спискахъ, между двумя любителями и у одного студента. Эта поэма лежитъ теперь и у меня въ столѣ; я получилъ ее, не далѣе какъ прошлаго года, въ собственноручномъ, весьма недавнемъ списокѣ, отъ самого Степана Трофимовича, съ его надписью и въ великолѣпномъ красномъ сафьянномъ переплетѣ. Впрочемъ она не безъ поэзіи и даже не безъ нѣкотораго таланта; странная, но тогда (то-есть вѣрнѣе въ тридцатыхъ годахъ) въ этомъ родѣ часто пописывали. Разказать же сюжетъ затрудняюсь, ибо по правдѣ ничего въ немъ не понимаю. Это какая-то аллегорія, въ лирико-драматической формѣ и напоминающая вторую часть *Фауста*. Сцена открывается хоромъ женщинъ, потомъ хоромъ мужчинъ, потомъ какихъ-то силъ, и въ концѣ всего хоромъ душъ, еще не жившихъ, но которымъ очень бы хотѣлось пожить. Всѣ эти хоры поютъ о чемъ-то очень неопредѣленномъ, большею частію о чьемъ-то проклятіи, но съ оттѣнкомъ высшаго юмора. Но сцена вдругъ пере мѣняется и наступаетъ какой-то «Праздникъ жизни», на которомъ поютъ даже насѣкомыя, является черепаха съ какими-то латинскими сакраментальными словами, и даже, если припомню, пропѣлъ о чемъ-то

одинъ минераль, — то-есть предметъ уже вовсе неодушевленный. Вообще же всѣ поютъ непрерывно, а если разговариваютъ, то какъ-то неопредѣленно бранятся, но опять-таки съ оттѣнкомъ высшаго значенія. Наконецъ сцена опять переменяется, и является дикое мѣсто, а между утесами бродитъ одинъ цивилизованный молодой человѣкъ, который срываетъ и сосетъ какія-то травы, и на вопросъ феи: зачѣмъ онъ сосетъ эти травы? отвѣтствуетъ что онъ, чувствуя въ себѣ избытокъ жизни, ищетъ забвенія и находитъ его въ сокѣ этихъ травъ; но что главное желаніе его, поскорѣе потерять умъ (желаніе можетъ-быть и излишнее). Затѣмъ вдругъ вѣзжаетъ неописанной красоты юноша на черномъ конѣ, и за нимъ слѣдуетъ ужасное множество всѣхъ народовъ. Юноша изображаетъ собою смерть, а всѣ народы ея жаждутъ. И наконецъ уже въ самой послѣдней сценѣ вдругъ появляется Вавилонская башня, и какіе-то атлеты ее наконецъ достраиваютъ съ пѣсней новой надежды, и когда уже достраиваютъ до самаго верху, то обладатель, положимъ хоть Олимпа, убѣгаетъ въ комическомъ видѣ, а догадавшееся человѣчество, завладѣвъ его мѣстомъ, тотчасъ же начинаетъ новую жизнь съ новымъ проникновеніемъ вещей. Ну, вотъ эту-то поэму и нашли тогда опасною. Я, въ прошломъ году, предлагалъ Степану Трофимовичу ее напечатать, за совершенную ея, въ наше время, невинностью, но онъ отклонилъ предложеніе съ видимымъ неудовольствіемъ. Мнѣніе о совершенной невинности ему не понравилось, и я даже приписываю тому нѣкоторую холодность его со мной, продолжавшуюся цѣлыхъ два мѣсяца. И что же? Вдругъ, и почти тогда же какъ я предлагалъ напечатать здѣсь, — печатаютъ нашу поэму *тамъ*, то-есть за границей, въ одномъ изъ революціонныхъ сборниковъ, и совершенно безъ вѣдома Степана Трофимовича. Онъ былъ сначала испуганъ, бросился къ губернатору и написалъ благороднѣйшее оправдательное письмо въ Петербургъ, читалъ мнѣ его два раза, но не отправилъ, не зная кому бы адресовать. Однимъ словомъ, волновался цѣлый мѣсяцъ; но я убѣжденъ что въ таинственныхъ изгибахъ своего сердца былъ польщенъ необыкновенно. Онъ чуть не спалъ съ экземпляромъ доставленнаго ему сборника, а днемъ пряталъ его подъ тюфякъ и даже не пускалъ женщину перестилать постель, и хоть и ждалъ каждый день откуда-то какой-то телеграммы, но смотрѣлъ свысока. Телеграммы никакой не пришло. Тогда же онъ и со мной примирился, что и свидѣлствуетъ о чрезвычайной добротѣ его тихаго и незлопамятнаго сердца.

II.

Я вѣдь не утверждаю что онъ совсѣмъ нисколько не пострадалъ; я лишь убѣдился теперь вполнѣ что онъ могъ бы продолжать о своихъ Аравитянахъ сколько ему угодно, давъ только нужныя объясненія. Но онъ тогда съамбціозничалъ и съ особенною поспѣшностью распорядился увѣрить себя разъ навсегда что карьера его разбита на всю его жизнь «вихремъ обстоятельствъ». А если говорить всю правду, то настоящею причиной перемѣны карьеры было еще прежнее и снова возобновившееся деликатнѣйшее предложеніе ему отъ Варвары Петровны Ставрогинной, супруги генераль-лейтенанта и значительной богачки, принять на себя воспитаніе и все умственное развитіе ея единственнаго сына, въ качествѣ высшаго педагога и друга, не говоря уже о блистательномъ вознагражденіи. Предложеніе это было сдѣлано ему въ первый разъ еще въ Берлинѣ, и именно въ то самое время когда онъ въ первый разъ овдовѣлъ. Первою супругой его была одна легкомысленная дѣвица изъ нашей губерніи, на которой онъ женился въ самой первой и еще безразсудной своей молодости, и кажется вынесъ съ этою, привлекательною впрочемъ особой, много горя, за недостаткомъ средствъ къ ея содержанію, и сверхъ того, по другимъ, отчасти уже деликатнымъ причинамъ. Она скончалась въ Парижѣ, бывъ съ нимъ послѣдніе три года въ разлукѣ и оставивъ ему пятилѣтняго сына, «плодъ первой, радостной и еще неомраченной любви», какъ вырвалось разъ при мнѣ у грустнаго Степана Трофимовича. Птенца еще съ самаго начала переслали въ Россію, гдѣ онъ и воспитывался все время на рукахъ какихъ-то отдаленныхъ тетокъ, гдѣ-то въ глуши. Степанъ Трофимовичъ отклонилъ тогдашнее предложеніе Варвары Петровны и быстро женился опять, даже раньше году, на одной неразговорчивой берлинской Нѣмочкѣ, и, главное, безо всякой особенной надобности. Но кромѣ этой, оказались и другія причины отказа отъ мѣста воспитателя: его соблазняла гремящая въ то время слава одного незабвеннаго профессора, и онъ, въ свою очередь, полетѣлъ на кафедру, къ которой готовился, чтобы испробовать и свои орлиныя крылья. И вотъ теперь, уже съ опаленными крыльями, онъ естественно вспомнилъ о предложеніи которое еще и прежде колебало его рѣшеніе. Внезапная же смерть и второй супруги, не прожившей съ нимъ и году, устроила все окончательно. Скажу прямо: все разрѣшилось пламеннымъ участіемъ и драгоцѣнною, такъ-сказать классическою дружбой къ нему Варвары Петровны, если только такъ можно о дружбѣ выразиться. Онъ бросился въ объятія этой дружбы, и дѣло закрѣпилось слишкомъ на двадцать лѣтъ. Я употребилъ выраженіе: «бросился въ объятія», но сохрани Богъ кого-нибудь подумать о чемъ-нибудь лиш-

немъ и праздномъ; эти объятія надо разумѣть въ одномъ лишь самомъ высоконравственномъ смыслѣ. Самая тонкая и самая деликатнѣйшая связь соединила эти два столь замѣчательныя существа, на вѣки.

Мѣсто воспитателя было принято еще и потому что и имѣннице оставшееся послѣ первой супруги Степана Трофимовича, — очень маленькое, — приходилось совершенно рядомъ со Скворешниками, великолѣпнымъ подгороднымъ имѣніемъ Ставрогиныхъ въ нашей губерніи. Къ тому же всегда возможно было, въ тиши кабинета, и уже не отвлекаясь огромностью университетскихъ занятій, посвятить себя дѣлу науки и обогатить отечественную словесность глубочайшими изслѣдованіями. Изслѣдованій не оказалось; но за то оказалось возможнымъ простоять всю остальную жизнь, болѣе двадцати лѣтъ, такъ-сказать «воплощенной укоризной» предъ отчизной, по выраженію народнаго поэта:

Воплощенной укоризною
Ты стоялъ передъ отчизною,
Либераль-идеалистъ.

Но то лицо о которомъ выразился народный поэтъ можетъ-быть и имѣло право всю жизнь позировать въ этомъ смыслѣ, еслибы того захотѣло, хотя это и скучно. Нашъ же Степанъ Трофимовичъ, по правдѣ, былъ только подражателемъ сравнительно съ подобными лицами, да и стоять уставалъ и частенько полеживалъ на боку. Но хотя и на боку, а воплощенность укоризны сохранялась и въ лежачемъ положеніи, — надо отдать справедливость, тѣмъ болѣе что для губерніи было и того достаточно. Посмотрѣли бы вы на него у насъ въ клубѣ, когда онъ садится за карты. Весь видъ его говорилъ: «Карты! Я сажусь съ вами въ ералашъ! Развѣ это совмѣстно? Кто жъ отвѣчаетъ за это? Кто разбилъ мою дѣятельность и обратилъ ее въ ералашъ? Э, погибай Россія!» и онъ осанисто козырялъ съ червей.

А по правдѣ, ужасно любилъ сразиться въ карточки, за что, и особенно въ послѣднее время, имѣлъ частыя и непріятныя стычки съ Варварой Петровной, тѣмъ болѣе что постоянно проигрывалъ. Но объ этомъ послѣ. Замѣчу лишь что это былъ человѣкъ даже совѣтливый (то-есть иногда), а потому часто грустилъ. Въ продолженіе всей двадцатилѣтней дружбы съ Варварой Петровной, онъ раза по три и по четыре въ годъ регулярно впадалъ въ такъ называемую между нами «гражданскую скорбь», то-есть просто въ хандру, но словечко это нравилось многоуважаемой Варварѣ Петровнѣ. Въ послѣдствіи, кромѣ гражданской скорби, онъ сталъ впадать и въ шампанское; но чуткая Варвара Петровна всю жизнь охраняла его отъ всѣхъ тривіальныхъ наклонностей. Да онъ и ну

ждался въ нянькѣ, потому что становился иногда очень страненъ: въ срединѣ самой возвышенной скорби, онъ вдругъ зачиналъ смѣяться самымъ простонароднѣйшимъ образомъ. Находили минуты что даже о самомъ себѣ начиналъ выражаться въ юмористическомъ смыслѣ. Но ничего такъ не боялась Варвара Петровна какъ юмористическаго смысла. Это была женщина классикъ, женщина меценатка, дѣйствовавшая въ видахъ однихъ лишь высшихъ соображеній. Капитально было двадцатилѣтнее вліяніе этой высшей дамы на ея бѣднаго друга. О ней надо бы поговорить особенно, что я и сдѣлаю.

III.

Есть дружбы странныя: оба друга одинъ другаго почти съѣсть хотѣть, всю жизнь такъ живутъ, а между тѣмъ разстаться не могутъ. Разстаться даже никакъ нельзя: раскапризившійся и разорвавшій связь другъ первый же заболѣетъ и пожалуй умретъ, если это случится. Я положительно знаю что Степанъ Трофимовичъ нѣсколько разъ, и иногда послѣ самыхъ интимныхъ изліяній глазъ на глазъ съ Варварой Петровной, по уходѣ ея, вдругъ вскакивалъ съ дивана и начиналъ колотить кулаками въ стѣну.

Происходило это безъ малѣйшей аллегоріи, такъ даже что однажды отбилъ отъ стѣны штукатурку. Можетъ-быть спросятъ: какъ могъ я узнать такую тонкую подробность? А что если я самъ бывалъ свидѣтелемъ? Что если самъ Степанъ Трофимовичъ неоднократно рыдалъ на моемъ плечѣ, въ яркихъ краскахъ рисуя предо мной всю свою подноготную? (И ужъ чего-чего при этомъ не говорилъ!) Но вотъ что случалось почти всегда послѣ этихъ рыданій: назавтра онъ уже готовъ былъ распать самого себя за неблагодарность; поспѣшно призывалъ меня къ себѣ или прибѣгалъ ко мнѣ самъ, единственно чтобы возвѣститъ мнѣ что Варвара Петровна «ангелъ чести и деликатности, а онъ совершенно противоположное». Онъ не только ко мнѣ прибѣгалъ, но неоднократно описывалъ все это ей самой въ краснорѣчивѣйшихъ письмахъ, и признавался ей, за своею полною подписью, что не далѣе какъ напимѣръ вчера, онъ разказывалъ постороннему лицу что она держитъ его изъ тщеславія, завидуетъ его учености и талантамъ; ненавидитъ его и боится только выказать свою ненависть явно, въ страхѣ чтобъ онъ не ушелъ отъ нея и тѣмъ не повредилъ ея литературной репутаціи; что влѣдствіе этого онъ себя презираетъ и рѣшилъ погибнуть насильственною смертью; а отъ нея ждетъ послѣдняго слова, которое все рѣшитъ, и пр., и пр., все въ этомъ родѣ. Можно представить послѣ этого до какой истерики доходили иногда нервные взрывы этого невиннѣйшаго изъ

всѣхъ пятидесятилѣтнихъ младенцевъ! Я самъ однажды читалъ одно изъ таковыхъ его писемъ, послѣ какой-то между ними ссоры, изъ-за ничтожной причины, но ядовитой по выполнению. Я ужаснулся и умолялъ не посылать письма.

— Нелзя.... честнѣ.... долгъ.... я умру если не признаюсь ей во всемъ, во всемъ! отвѣчалъ онъ чуть не въ горячкѣ, и послалъ-таки письмо.

Въ томъ-то и была разница между ними что Варвара Петровна никогда бы не послала такого письма. Правда, онъ писать любилъ безъ памяти, писалъ къ ней даже живя въ одномъ съ нею домѣ, а въ истерическихъ случаяхъ и по два письма въ день. Я знаю навѣрное что она всегда внимательнѣйшимъ образомъ эти письма прочитывала, даже въ случаѣ и двухъ писемъ въ день, и прочитавъ, складывала въ особый ящикъ, помѣченныя и разсортированныя; кромѣ того слагала ихъ въ сердцѣ своемъ. Затѣмъ, выдержавъ своего друга весь день безъ отвѣта, встрѣчалась съ нимъ какъ ни въ чемъ не бывало, будто ровно ничего вчера особеннаго не случилось. Мало-по-малу она такъ его вымуштровала что онъ уже и самъ не смѣлъ напоминать о вчерашнемъ, а только заглядывалъ ей нѣкоторое время въ глаза. Но она ничего не забывала, а онъ забывалъ иногда слишкомъ ужъ скоро и ободренный ея же спокойствіемъ, нерѣдко въ тотъ же день смѣялся и школьничалъ за шампанскимъ, если приходили пріятели. Съ какимъ должно-быть ядомъ она смотрѣла на него въ тѣ минуты, а онъ ничего-то не примѣчалъ! Развѣ черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ, или даже черезъ полгода, въ какую-нибудь особую минуту, нечаянно вспомнивъ какое-нибудь выраженіе изъ такого письма, а затѣмъ и все письмо, со всеми обстоятельствами, онъ вдругъ сгоралъ отъ стыда и до того бывало мучился что заболѣвалъ своими припадками холерины. Эти особенные съ нимъ припадки, въ родѣ холерины, бывали въ нѣкоторыхъ случаяхъ обыкновеннымъ исходомъ его нервныхъ потрясеній и представляли собою нѣкоторый любопытный въ своемъ родѣ куріозъ въ его тѣлосложеніи.

Дѣйствительно, Варвара Петровна навѣрно и весьма часто его ненавидѣла; но онъ одного только въ ней не примѣтилъ до самого конца, того что сталъ наконецъ для нея ея сыномъ, ея созданіемъ, даже можно сказать ея изобрѣтеніемъ; сталъ плотью отъ плоти ея, и что она держать и содержать его вовсе не изъ одной только «зависти къ его талантамъ». И какъ должно-быть она была оскорбляема такими предположеніями! Въ ней таилась какая-то нестерпимая любовь къ нему, среди непрерывной ненависти, ревности и презрѣнія. Она охраняла его отъ каждой пылинки, нянчилась съ нимъ двадцать два года, не спала бы